

О ТРЕХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ НА ФОНЕМУ

// Вестник Новгородского гос. ун-та.
Сер. : Гуманит. науки. 2005. №33. С. 77 –
82.

Констатация различий фонологических школ стала обычным элементом учебников по фонетике и фонологии. При этом далеко не всегда указываются причины принципиального расхождения в понимании тех ли иных особенностей объекта исследования. Справедливо замечено, что «многие лингвисты не отдают себе отчет в том, что их теоретическое противостояние с тем или иным оппонентом разрешимо только в том случае, если они стоят на идентичных методологических позициях, в противном случае их спор (...) превращается в разговор слепого с глухонемым», либо должен быть переведен в плоскость методологической дискуссии о самих основания исследования» [1].

Приведем пример спора, основанного на различном понимании объекта исследования и его функции. Представитель одной методологии Л. Р. Зиндер, не соглашаясь с предложением Н. С. Трубецкого, представителя другой методологии, «различать среди признаков фонемы «релевантные», пишет: «Такая точка зрения пренебрегает тем обстоятельством, что для опознания слова (а это является основной функцией фонемы) важное значение имеют также и недифференциальные признаки» [2].

Чтобы понять причину несогласия, нужно знать, что

а) для Трубецкого фонема «не звуковая единица», а продукт мыслительных усилий лингвиста, конструкт, «совокупность смысловых признаков», образующих в данном языке минимальные смысловые оппозиции; фонема отличается от звука речи как совокупности всех воспринимаемых носителем языка признаков. Для Л. Р. Зиндера же фонема – «наименьшая линейная неделимая звуковая единица языка» [3];

б) для Трубецкого основная функция фонемы смысловая, а никак не «функция опознания слов», поэтому Трубецкой никак не может «пренебречь» этим «обстоятельством». Для Л. Р. Зиндера «фонемы служат не для дифференциации значений, а только для различения слов, поскольку образуют их звуковой облик» [4].

Видение объекта определяет совокупность методов, методик и процедур лингвистического исследования. Поэтому важным условием научного исследования является осознание реализуемых гносеологических принципов.

Гносеологическая ситуация предполагает наличие объекта и субъекта процесса познания. Рассматривая различные лингвистические теории, О. Лещак установил, что в одних теориях смысл является объектом познания (познавательный процесс понимается как процесс нахождения смысла) и такое отношение между смыслом и субъектом называется «объектной гносеологией». В других теориях в познавательном процессе важен субъект как порождение смысла. Такое отношение между смыслом и субъектом называется «субъектной гносеологией». Теории первого типа принадлежат к феноменологической и позитивистской (эмпирической) методологии, теории второго типа – к функциональной [5]. В рассматриваемых ниже московской и ленинградской теориях фонем, несмотря на их принципиальные различия, реализуется объектная гносеология.

Методологическую позицию фонолога характеризует то, как он определяет онтологический статус фонемы. Далее мы рассмотрим три методологические позиции, существенные для отечественной фонологии: позитивистскую, феноменологическую и функциональную.

Позитивистская – наиболее старая методология в лингвистике вообще и в фонологии в частности. Позитивист ограничивает свое эмпирическое исследование действительным, позитивным фактом, который может быть верифицирован. Позитивистские лингвистические исследования представляют собой наблюдение за внешнеречевыми формами в их линейном развертывании. Цель таких исследований – обнаружение и обобщение мельчайших фактуальных проявлений, которые, по мнению позитивистов, и являются носителями объективной информации. Именно поэтому обязательным в таких исследованиях становится привлечение различного рода измерительной аппаратуры, сложность и точность которой определяется техническим прогрессом.

В фонологии на позициях позитивизма стоит Ленинградская фонологическая школа (ЛФШ). Представителями этой школы фонема (или «звук языка») понимается как акустический образ реально произносимого и слышимого звука: фонема – «это кратчайший элемент общих акустических представлений данного языка, способная ассоциироваться в этом языке со смысловыми представлениями» [6] или как «звуковой тип» в который объединяются «разнообразные звуки», произносимые в «живой речи» [7]. Тем не менее этот образ, представление, тип у позитивистов может «встречаться» в речи: «одна и та же фонема встречается в разных фонетических условиях» [8]. Заметим, что имеется в виду не звук, а отвлечение, абстракция. Поэтому в ЛФШ возникает понятие аллофона, оттенка фонемы, еще одной абстракции от конкретного «продукта единичного произносительного акта» – звука: «фонема представлена в каждой фонетической позиции определенным аллофоном, воплощенным в реальной речи в виде звука

речи» [9]. Фонема в позитивистской методологии зависит от позиций в фонетическом слове и слоге, т.к. фонема «вне аллофонов ... не существует», а аллофон «не мыслим вне определяющей его позиции» [10].

Трактовка фонемы в ЛФШ возможна только в тесной связи с артикуляционными и акустическими характеристиками ее представителя в определенной позиции. То есть характеристики фонемы и определение фонемы детерминированы физическими и физиологическими особенностями процесса говорения-слушания. Эмпирический принцип в отношении объекта исследования проявляется как в способах определения объекта, например: «каждую самостоятельную фонему можно протянуть, не прибавляя к данному у фонетическому сочетанию ничего нового» [11], так и в способах описания: «...фонема **а** описывается как гласный, который артикуляторно является самым открытым и непередним, а акустически – компактным (т.е. две первые форманты у него расположены близко друг к другу, при этом F1 – высока по частоте, а F11 – относительно низка)...»[12]. Представление о звуке переносится на фонему, коль скоро звук является реализацией фонемы в определенных позициях, что свидетельствует в пользу понимания фонемы как реального физического факта.

Понимание фонемы как единицы с «хотя и очень сложными фонетическими характеристиками» делает возможным чисто позитивистскую постановку вопроса: «каким образом материальные по своей природе и вариативные звуковые средства обеспечивают хранение и передачу нематериальной информации» [13]. Предварительно заметим, что с точки зрения иной, функциональной, методологии информация (смысл) не хранится, не передается в предметах чувственного опыта («звуках, материальных по своей природе»), а порождается, о чем будет сказано далее.

Однако в позитивистской теории фонемы нет прямого ответа на вопросы о том, каким образом фонема функционирует, за счет каких свойств фонемы, как единицы инвариантной по отношению к аллофону, осуществляется многообразная позиционная и комбинаторная репрезентация этой фонемы в словоформах, каков механизм этой репрезентации.

Совершенно иное представление о фонеме у представителей Московской фонологической школы (МФШ). В первую очередь, у них фонема рассматривается как инвариантный языковой феномен, независимый от акустических и артикуляционных частных свойств реального произноше

с.178

ния: «Фонема – это идеальное языковое задание, то «общее», которое под влиянием актуальных фонетических факторов реализуется в различных звуковых комбинаторных вариантах в «отдельном» [14]. Такое представление о фонеме трансформировалось в более лаконичные формулировки: фонема – «эталон звука», «не конкретный звук, а абстракция» [15], которые нам представляются утрированными.

Представители феноменологической методологии трактуют фонему как «сущность», определяющую «явление» отдельных звуков [16], как первичную сущность по отношению к различным звукам – ее реализации в различных позициях. В этом состоит основное отличие этой методологии от позитивистской: феноменологи считают, что звуковые явления детерминированы фонемой.

Фонема как феномен реализуется в различных звуках, выступающих в различных фонетических позициях: «Каждая фонема проявляется в определенных разновидностях, причем каждая из разновидностей выступает в строго определенных фонетических условиях»; «фонетическая обусловленность разновидностей фонемы в разных позициях неодинакова» [17]. Так как именно звуки, как

реализации фонемы в определенных позициях в словоформе и морфеме (а не сама фонема) зависят от особенностей этих позиций (перцептивно и/или сигнификативно слабых), то звуки в слабых позициях могут отличаться друг от друга, а так же от звука, которым реализуется фонема в другой фонетической позиции (сигнификативно и перцептивно сильной). Отсюда проистекает и необходимость классифицировать это разнообразие, выделяя «основной вид», «вариант», «вариацию».

Феноменологическое понимание фонемы делает возможным признание того, что фонема может выполнять или не выполнять своих функций, в частности – основную (сигнификативную): «фонема может в слабых позициях терять свои дифференциалы (...) и превращаться в вынужденный вариант» [18], «совпадая в вариантах, фонемы теряют частично свою способность различать значения слов»; «совпадение двух или нескольких фонем в одном варианте ведет к омонимизации слов» [19].

Невозможность иногда проверить сущностные характеристики фонемы (при отсутствии сильной позиции для фонемы) породила идею гиперфонемы. Заметим, что само наличие понятия гиперфонемы принципиально невозможно в позитивистской методологии, так как здесь фонема жестко «привязана» к артикуляционно-акустическим свойствам звука.

В некоторых вузовских учебниках наблюдается очевидное смешение понятий. Описание основных положений фонологии, предложенное в учебниках [20] в понятиях МФШ, предваряется параграфом «Звуки речи и звуки языка» с трактовкой фонемы в системе понятий ЛФШ: «Звук языка – множество звуков речи, близких друг другу в артикуляционно-акустическом отношении, определяемых говорящими как тождество» [21]. Следующая фраза: «Звук языка – это звуковой тип, эталон звука, существующий в языковом сознании говорящих»

противоречит первому определению. Неясно, следует ли понимать термин «звуковой тип» в контексте первого высказывания, т.к. термин активно используется ЛФШ, или его понимать как синоним «эталона». И в завершении цитируемого параграфа встречаем уже совсем неясное: «Как всякое множество, звук языка уже не конкретный звук, а абстракция» [22]. Аналогично противоречивая подача материала и в другом учебнике [23]: вначале «...фонемой называется кратчайшая звуковая единица, независимая по своему качеству и потому служащая для различения звуковых оболочек слов и их форм» (позитивистское понимание), а дальнейшее объяснение проводится в понятиях МФШ.

Для определения специфики функциональной методологии необходимо определиться с термином функция и его производными. Наиболее распространенным в лингвистике является понимание «функции» как «активности» объекта, его роли в ситуациях функционирования, например: «...раздел фонетики, который изучает функционирование звуков в языке, называется функциональная фонетика или фонология. Фонология исследует, как работают звуки в языке, какие у них функции («обязанности»)» [24]. Мы согласны с О. Лещаком в том, что «нельзя называть функциональным любое исследование функционирования объекта. Вполне возможно совершенно нефункциональное изучение функциониро

с.79

вания языка или психики (...) или общественно-политической сферы жизни» [25]. Например, возможно феноменологическое, структуралистское, позитивистское и пр. исследования функционирования объекта. И тогда, соответственно методологии, задачей исследования будет или представить объект как феномен, обладающий неким имманентным смыслом, или представить объект как сложное целое, обнаруживающее внутренние и внешние структурные

связи, или же исследование будет сводиться к простому наблюдению за внешними проявлениями объекта и т. д. Но все это не является функциональной методологией.

В функциональной методологии функция не является предметной областью познания (функционированием) и не является характеристикой объекта исследования. Функция понимается «как способ представления объекта, характера и форм его бытия» [26]. Такова функция как центральное методологическое понятие функционализма. В функциональной методологии любой констатируемый факт (фонетический, морфологический, стилистический), любое речевое действие понимается «именно как различного рода функциональные отношения в пределах опыта конкретного человека – носителя данного языка» [27].

Основным объектом исследования в функциональной методологии является языковая деятельность. Она состоит из трех видов функций: язык – речь – акустико-артикуляционная сигнализация. Язык понимается как отношение когнитивной картины мира к речи, обусловленное регулятивной коммуникацией, речь – как отношение интенции к языку и к акустико-артикуляционной сигнализации, а акустико-артикуляционная сигнализация понимается как отношение речи к различным типам сигнальных последовательностей (звуковых, графических).

Таким образом, язык и стадия акустико-артикуляционной сигнализации (создание звуковых и/или графических последовательностей) не связаны напрямую. Между интенцией и стадией сигнализации существует стадия активизации языка – речь. Речь понимается не как физический поток звуковых волн, а как последовательность представлений о звучании или как цепочка акустических образов [28].

Принципиальное отличие функциональной методологии от представленных выше позитивистской и феноменологической состоит в том, что фонема не является собственно единицей, а то, что называется термином фонема, вообще напрямую не связано со звуком как физической единицей. План выражения слова не состоит из последовательности фонем. А носитель языка не осуществляет процесс фонации (построения последовательностей представления о звучании) путем постоянного соотнесения звукового многообразия с неким «инвариантом» или «звуковым типом».

Планом выражения языкового знака считаем совокупную информацию о всех возможных репрезентациях (в том числе и акустико-артикуляционных) плана содержания данного знака на стадии речи. Эту информацию, т.е. отношение знака к некоторой модели акустико-артикуляционной репрезентации, по которой осуществляется построение словоформы на основе данного знака, мы называем фонемой. Таким образом, **фонема** понимается нами как совокупная информация о всех возможных репрезентациях того или иного сегмента морфемы в плане выражения слова.

Представление носителя языка об акустических и артикуляционных признаках, обеспечивающее узнавание и возможность произнесения звука, называем **фоном**. Таким образом, фон – это информация об акустических и артикуляционных признаках звука, реализуемая при акустико-артикуляционной сигнализации. **Звук** является реализацией фона. Но фон детерминирован, обусловлен звуком, так как способность к узнаванию и произнесению формируется в процессе речи.

Последовательность фонов (представлений о звучании и артикуляции) входит в план выражения словоформы языкового знака и обеспечивает сигнальную репрезентацию словоформы. Например, последовательность фонов разных словоформ языкового знака (слова)

различается: [сΛва], [сΛв'э], [соф]. Информация об этом различии формируется в сознании носителя языка при формировании языкового опыта, то есть в процессе речи. Информация эта не дана нам а priori в качестве инварианта, а детерминирована звуками речи, разнообразием

с.80

звуковых последовательностей, на основании которых в сознании носителя языка формируются представления о звучании и артикуляции (фоны), а также представления о возможных последовательностях фонов. Эта информация в сознании носителя языка и обеспечивает в дальнейшем восприятие и порождение речи.

Информация о возможной последовательности фонов постоянно корректируется в сознании носителя языка в течение жизни. Речь ребенка, который только учится говорить (Са[ф]а любит [ф]ыкалат) или речь человека с нарушенной дикцией, не препятствует или препятствует в очень малой степени нашему пониманию этой речи не потому, что мы соотносим эту (неузуальную) последовательность звуков с неким идеалом, последовательностью инвариантов (фонем). Звуковую последовательность «[ф]ыкалат», воспринимая ее в речевом отрезке, мы соотносим не с «инвариантом звука» (МФШ) и не со «звуковым типом» (ЛФШ), а с определенным понятием, представлением о сладком продукте. При первом восприятии мы производим подобное соотношение, возможно, с некоторым усилием, т.к. делаем поправку на имеющиеся в сознании варианты репрезентации словоформы. Однако, привыкнув к неправильностям говорения, мы производим соотношение автоматически и перестаем замечать неправильности. Такое «привыкание» можно объяснить только тем, что даже раз услышанный вариант произношения фиксируется, обрабатывается и сохраняется, то есть становится элементом сознания носителя языка. Это информация о возможной последовательности фонов плана выражения словоформы и о возможной репрезентации словоформы. Можно сказать, что у

носителя языка в процессе языковой деятельности постоянно происходит корректировка плана выражения языкового знака.

Таким образом, ни порождение, ни восприятие речи не являются процессами соотнесения акустического и артикуляционного варианта с инвариантом или звуковым типом. Фонема – это не единое инвариантное представление, реализующееся в речи различными звуковыми отклонениями в зависимости от конкретных фонетических условий, а совокупная информация о возможных последовательностях фонов планов выражения словоформ языкового знака, обеспечивающая процесс фонации, репрезентации словоформы в речи, а уже затем обеспечивающая процесс акустико-артикуляционной сигнализации.

Таким образом, фонема – это совокупная информация о фонетических потенциях плана выражения языкового знака; фон – это конкретное представление о звучании плана выражения словоформы (активизация языка, фонация); звук – это реализация этого представления (акустико-артикуляционная сигнализация).

1. Лещак О. Языковая деятельность. Основы функциональной методологии лингвистики. Тернополь, 1996. С. 10.
2. Зиндер Л.Р. Общая Фонетика. М. 1979. С. 42-43.
3. Там же. С. 38)
4. Там же. С. 41)
5. Лещак О. Указ. соч. С.107.
6. Щерба Л..В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. Л., 1983. С.8
7. Щерба Л.В. Фонетика французского языка // Языковая система и речевая деятельность. Л.,1974.
8. Зиндер Л. Р. Указ. соч. С.46.
9. Там же. С.48.
10. Там же.

11. Щерба Л.В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. Л., 1983. С.13.
12. Бондарко Л.В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981. С. 50.
13. Бондарко Л.В. Как мы говорим и что мы слышим // Говорящий и слушающий: Языковая личность, текст, проблемы обучения. СПб. 2001. С.7.
14. Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М.,1970. С. 150.
15. Русский язык. В двух частях. Ч. I. Под ред. Л. Ю. Максимова М., 1989 С. 200.
16. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С.553.
17. Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Система фонем русского языка // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М.,1970. С.250.

с.81

18. Реформатский А.А. Проблема фонемы в американской лингвистике //Из истории отечественной фонологии. М.,1970. С. 248.
19. Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Система фонем русского языка // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970. С. 253.
20. Русский язык. В двух частях. Ч. I. Под ред. Л. Ю. Максимова. М., 1989 С. 200. Современный русский литературный язык. Под ред. П.А.Леканта. М., 1988. С. 99-100.
21. Русский язык. В двух частях. Ч. I. Под ред. Л. Ю. Максимова. М., 1989. С. 200.
22. Там же.
23. Валгина Н.С. и др. Современный русский язык. М., 1987, С. 84.
24. Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979. С. 91.

25. Лещак О. Очерки по функциональному прагматизму: Методология – онтология – эпистемология. Тетрнополь – Кельце. 2002. С. 62.
26. Там же. С. 69.
27. Там же. С. 70.
28. См. Лещак О. Языковая деятельность. Основы функциональной методологии лингвистики. Тернополь, 1996. С. 352.